

Т. Г. Иванова (Санкт-Петербург)
**Россия, Москва, Санкт-Петербург
в исторических песнях XVIII в.
(к вопросу о песенном пространстве)**

T. G. Ivanova (Saint Petersburg)
**Russia, Moscow, Saint Petersburg
in historical songs of the 18th century
(to the question of song space)**

Аннотация

В статье рассматривается употребление в исторических песнях XVIII в. топонимов, отражающих государственное пространство России. Указывается на многовекторность топонимического поля имени русского государства. Одинаково часто встречается и Русь (старинное имя), и Россия (новое имя); и Московское царство (государство), и Российское государство. Анализируется построение пространства старой столицы – Москвы, получившей художественное осмысление еще в песнях XVI–XVII вв. Отмечается интерес песен XVIII в. не к храмам города, а к его светскому пространству – улицам. Исследуется освоение фольклорной традицией новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: исторические песни XVIII в., топонимы, Россия, Москва, Петербург

Abstract

The article examines the use of place names (toponyms) reflecting the state space of Russia in historical songs of the 18th century. The multi-vector nature of the toponymic field of the name of the Russian state is indicated. Rus' (an old name) and Russia (a new one), the Muscovite Kingdom (a state) and the Russian State are equally common. The construction of the space of the old capital – Moscow, which received artistic interpretation in the songs of the 16th–17th centuries, is analyzed. The interest of the songs of the 18th century not to the temples of the city, but to its secular space – the streets – is noted. The adoption of the folklore tradition of the new capital of the Russian Empire – Saint Petersburg is studied.

Keywords: historical songs of the 18th century, toponyms, Russia, Moscow, Saint Petersburg

Если в XVII в. историческая мысль в песенной форме оформлялась в значительной части казацкой вольницей – самым мобильным слоем русского общества (Азовские походы, Разинское восстание), то в XVIII столетии исторические песни создавались прежде всего солдатами – новым социальным слоем, созданным Петром I. При этом создаваемые ими песни нередко ориентировались на новые литературные формы. Так, в песнях появляется рифма, не свойственная русской народной поэзии.

Предметом нашей статьи является осмысление песней главных географических понятий: Россия, Москва, Санкт-Петербург. Материалом является сборник «Исторические песни XVIII века»¹.

1. Именование русского государства в песнях XVIII в.

Название Российского государства в песнях конца XVII–XVIII вв. представлено разными топонимами. В историко-песенном фольклоре продолжает функционировать топоним *Московское государство* – явное наследие предшествующей эпохи. Так, в одном из вариантов сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I» мы читаем: «Во *Московском в государстве*» (ИП XVIII, № 257, ст. 5).

Весьма характерна формула, объединяющая топонимы *Московское государство (царство) и Российское государство*. Так, песня «Ссора Голицына с Долгоруковым», отражающая ситуацию взаимных обвинений высокопоставленных бояр, начинается строками: «Середе была *царства Московского*, / Середе была *государства Московского, Российского*» (ИП XVIII, № 26, ст. 1–2). Ту же двойную формулу (Московское и Российское) мы находим и в песнях о Петре I: «Среди сильнёго *царства Московского*, / Среди *государства Российского*» (ИП XVIII, № 211, ст. 1–2; см. также № 212, ст. 1–2; № 213, ст. 1–2; № 214, ст. 1–2; сюжет «Петр I возвращается из церкви»). Такого рода двойная формула является наглядной демонстрацией проявления механизмов традиции, т.е. преемственности внутри фольклорной культуры.

Ту же преемственность топонимов мы находим в песнях о Семилетней войне (середина XVIII в.): *Русь* и *Россия*. Так, солдаты, стоящие на прусской границе, тоскуют по Руси: «Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету» (ИП XVIII, № 291, ст. 5; сюжет «Осада Кюстрина»; см. также № 321, ст. 11; сюжет «Разгром нового корпуса»). Топоним *Русь* наличествует и в сюжете «Чернышев в плену». Герой, русский генерал, попавший в темницу города Кистрома (Кюстрина), – «со *Руси, Руси* российский князь» (ИП XVIII, № 337, ст. 10); Чернышев собирается написать на Русь («Отпишу я на *Русь* грамотку» – ИП XVIII, № 336, ст. 35; см. также № 340, ст. 34–35).

В историко-песенном фольклоре XVIII в. мы находим и необычную топонимическую форму *святая Рось*. В сюжете «Бегство Лещинского» читаем об

¹ Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. Далее: ИП XVIII.

угрозе польского короля: «Да что хочет побывать у нас на *святой Руси*, / Что во стольное во *царство во Московское*» (ИП XVIII, № 276, ст. 10–11).

В казачьих песнях Русь сопоставляется с Доном. В варианте № 336 сюжета «Чернышев в плену» герой обращается к прусскому королю:

Отпишу я на *Русь* грамотку,
Что к самой ли государыне:
Государыня отпишет на *Дон* грамотку
К самому ли Краснощекову.
(ИП XVIII, № 336, ст. 35–38)

В сюжете «Разгром нового корпуса» из того цикла о Семилетней войне читаем:

Как у нас, братцы, на *святой Руси*
Нездорово:
Смутился-помешался весь *тихой Дон*.
Случилась батальица генеральна
На славным чистым поле Лебедяне.
(ИП XVIII, № 321, ст. 11–15)

В некоторых вариантах песни «Чернышев в плену» Дон и вовсе может полностью заменять собой Русь:

Напишу на *Дон* я грамотку
Не пером я, не чернилами,
А своими горячьми слезми.
Тогда тихий *Дон* взволнуется,
Казачи с *Дону* подымутся
И тебя, царя, в полон возьмут.
(ИП XVIII, № 342, ст. 34–39;
см. также № 344, ст. 34–38; № 353, ст. 43–44)

Эквивалентность топонимов *Русь* и *Дон* свидетельствует, что в казачьей среде, воплощавшей собой абсолютную вольность в XVII в., а зачастую и противопоставлявшей себя Московскому государству, процесс формирования государственного сознания в XVIII в. еще не закончился.

В то же время песни о Семилетней войне активно используют топоним *Россия*. Так, в сюжете «Русское войско выступает в поход» прусский король «К нам в *Россию* он собирается» (ИП XVIII, № 281, ст. 13). В одном из текстов, где контаминируются сюжеты «Взят Берлин» и «Краснощеков в гостях у прусского короля», прусский король обращается к русскому генералу, явившемуся к нему

под видом купца: «Я у вас ли во *России* во *Российской* во земле, / Во *Российской* во земле генералов знаю всех» (ИП XVIII, № 320, ст. 43–44; см. также № 396, ст. 16–18). Топоним *Россия* сохраняет родительскую сему: «Эх, ты *Россея*, *матушка Россея*, / Ты *Российская* земля!» (ИП XVIII, № 397, ст. 1–2; см. также № 399, ст. 1–2; № 401, ст. 1–2; сюжет «Краснощеков в гостях у прусского короля»; № 384, ст. 32; сюжет «Смерть Лопухина»).

Россия в песнях XVIII в., что ожидаемо, сопрягается с Москвой. Так, в песне «Нападение горцев на калмыков» читаем:

Да как поехал наш хан
Во мать во *Рассеюшку*,
Да и во *мать* *каменнү-то* *Москву*,
Каменнү *Москву*.

(ИП XVIII, № 160, ст. 19–22; см. также № 161, ст. 13–14)

Материал песен XVIII в. демонстрирует многовекторность топонимического поля имени русского государства. Одинаково частотно встречается и *Русь* (старинное имя), и *Россия* (новое имя); и *Московское царство* (*государство*), и *Российское государство*. Включает историко-песенный фольклор XVIII столетия и форму *Рось*, зарегистрированную в произведениях только этого времени. В продолжение поэтической традиции прошлых веков географическое имя *Россия* употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *Россиюшка*; проявляется в топониме и родительская сема.

В песнях XVIII в. заметное и важное место занимают столицы России – старая и новая, причем мы можем отметить развитие образа *Москвы* в историко-песенном фольклоре нового времени. Равным образом в устной традиции прочитываются механизмы преемственности в построении образа *Петербурга* – новой столицы.

2. Москва и Московское пространство

Москва, бывшая пространственным центром в песнях времен Ивана Грозного, Смутного времени и царствования Алексея Михайловича, в песнях конца XVII – начала XVIII в. продолжает оставаться актуальной. Топоним встречается в сюжетах, охватывающих события с конца XVII и всего XVIII столетия. Москва упоминается в сюжете «Князь Голицын возвращается в Москву»; в *азовском цикле* – «Солдаты получают приказ идти под Азов»; в *цикле о бунте стрельцов* – «Царь судит стрельцов», «Атаман приходит с повинной»; в *песнях о Северной войне* – «Вещий сон», «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля», «Шведский король пытается захватить Полтаву»; в *песнях о И. М. Краснощекове* – «Краснощеков на допросе», «Молодец идет в поход в земли шведские»; в *песнях о восстании К. Ф. Булавина* – «Некрасов уводит казаков», в *других песнях петровского времени* – «Атаман Фрол Минаев жалуется Петру I», «Нападение горцев на калмыков», «Солдаты жалуется на тяготы

государевой службы», «Корабельщики бранят князя», «Петр I возвращается из церкви», «Царь и солдаты в кружале», «Царь борется с драгуном», «Молодец на правеже», «Рождение царевича Алексея», «Царевича Алексея хотят казнить», «Жалобы царицы, заточенной в монастырь», «Царя встречает Меншиков», «Солдат оплакивает кончину Петра I»; в *песнях послепетровского времени* – «Жалоба солдат на немецкое начальство», «Майор с женой осуждены царем», «Долгорукого ведут на казнь»; в *песнях о Семилетней войне* – «Прусский король похвастается захватить русскую землю», «Взят Берлин», «Смерть Лопухина», «Казачи Краснощекова снимают прусские караулы», «Краснощеков в гостях у прусского короля», «Краснощеков ранен»; в *песне о русско-шведской войне 1788–1790 гг.* – «Шведский король требует возвращения городов»; в *песнях о турецких войнах* – «Румянцев ведет войско против турок», «Казачи снимают турецкий караул», «Взятие Хотина», «Румянцев в плену»; в *песнях о Емельяне Пугачеве* – «Солдата не пускают в Оренбург», «Пугачев и Голицын», «Пугачев и Панин»; а также в *песне* «Жалобы солдат на Павла I».

Топоним *Москва*, как правило, употребляется вне формульного поля. Тем не менее нередко он сохраняет традиционный эпитет «каменна» (ИП XVIII, № 2, ст. 10; № 15, ст. 7 и т. д.).

В исторических песнях XVIII в., в продолжение традиций XVI–XVII вв., *Москва* не только упоминается, но и обозначается ее внутреннее пространство. Относительно внутримосковских топонимов можно сделать несколько предварительных замечаний. Пространство конструируется по двум стратегиям: 1) из локусов, давно освоенных историко-песенным фольклором; 2) из локусов, вновь включенных в исторические песни конца XVII–XVIII вв. Старые локусы пронизывают несколько сюжетов; новые локусы, как правило, появляются только в одном сюжете. Старые локусы – в основном локусы кремлевских соборов; новые локусы имеют светский характер – это московские улицы.

Внутримосковское пространство, естественно, знает *Кремль*. Так, князя В. В. Голицына, возвращающегося из бесславного похода на Крым², «матушка-царевна» Софья Алексеевна встречает в *Кремле*. Обратим внимание, что песня помнит о том, что Кремль в средневековье осмысливался как город:

² Голицын Василий Васильевич (1643–1714) – боярин, затем князь, государственный деятель; с 1682 г. – глава Посольского приказа в период правления царевны Софьи Алексеевны (1682–1689). Фаворит царевны, фактический правитель России. В 1686 г. заключил Вечный мир с Речью Посполитой. Россия стала членом антитурецкой коалиции (Австрия, Венеция, Речь Посполитая). Организовал большие походы против Крымского ханства (1687 и 1689), бывшего вассалом Османской империи. Крымский хан в 1687 г. использовал тактику выжженной земли, поджег степь при подходе к Крыму, приказал отравить все источники, в результате чего русская армия понесла значительные боевые потери – людские и конные. В. В. Голицын вынужден был вернуть армию к Днепру. Второй поход оказался столь же неудачным. Дойдя до Перекопа, В. В. Голицын отказался его брать, так как в нем было всего три колодца с пресной водой. Князь, вовремя прервав поход, в этот раз сохранил войско. Во время похода русская и турецкая армии фактически в военные соприкосновения не входили. С прекращением регентства царевны Софьи в 1689 г. В. В. Голицын был сослан в Кевролу на Пинегу.

Помолившись, князь Голицын
Во *Кремль-город* едет.
Как подъехал князь Голицын
Ко *кремлевским палатам*,
Как и вышла-та ему навстречу
Матушка-царевна,
Матушка-царевна Софья Алексеевна.
(ИП XVIII, № 1, ст. 25–31; сюжет «Князь Голицын
возвращается в Москву»)

В *Кремле* же собирается стрелецкий круг, на котором стрельцы с покорной головой решают идти к царю просить, чтобы он простил их за бунт (ИП XVIII, № 45, ст. 1–4; сюжет «Царь судит стрельцов»). Из «*Кремля крепка города*» ведут казнить стрелецкого атамана (ИП XVIII, № 50, ст. 1; сюжет «Казнь стрелецкого атамана»).

Кремль-град грозит захватить шведский король (ИП XVIII, № 67, ст. 22; сюжет «Шведский король пытается захватить Полтаву»). Топоним упоминается в песнях «Петр I возвращается из церкви» (ИП XVIII, № 211, ст. 3; № 212, ст. 3; № 213, ст. 3; № 214, ст. 3), «Царь и солдаты в кружале» (ИП XVIII, № 215, ст. 26), «Молодец на правеже» (ИП XVIII, № 228, ст. 2), «Солдат оплакивает кончину Петра I» (ИП XVIII, № 245, ст. 5; № 257, ст. 6). В *Кремле-городе* собирается стоять шведский король, угрожающий Русскому государству в 1788–1790 гг.:

Ой да самому-то королю шведскому
Ему в славном городе стоять в *Кремле*,
Ему в *шелеметьёвом* стоять вó *дому*.
(ИП XVIII, № 410, ст. 15–17; сюжет «Шведский король
требует возвращения городов»)

Дворец Бориса Петровича Шереметева (1652–1719)³, воеводы, военачальника времен Северной войны, возведенного в графское достоинство в 1706 г., упоминается и в других вариантах сюжета «Шведский король требует возвращения городов» (ИП XVIII, № 423, ст. 6–7). В варианте № 427 называется *Алфертов дворец* (ИП XVIII, № 427, ст. 20), что, вероятно, является испорченным Лефортов дворец, т.е. дом Франца Яковлевича Лефорта (1655–1699), советника молодого Петра I.

См. также упоминание Кремля в песне «Шведский король требует возвращения городов» (ИП XVIII, № 425, ст. 13; № 427, ст. 14; № 428, ст. 17; № 429, ст. 16). Называется *Кремль* и в песне «Жалобы солдат на Павла I»: солдаты жалуются покойной царице Екатерине Алексеевне (Екатерине II), что «пристоялися у полка ножки резвые», стоячи в Кремле (ИП XVIII, № 540, ст. 14).

³ В тексте исследования мы употребляем форму Шереметев; в названиях песен в соответствии с изданием «Исторические песни XVIII века» – Шереметьев.

Остается в поле зрения песенного фольклора XVIII в. *Успенский собор* Кремля, попавший в художественное пространство еще в XVI в. Въехав в Москву, Голицын едет к *Успенскому собору* (ИП XVIII, № 2, ст. 12; № 10, ст. 4; № 12, ст. 14; № 18, ст. 12; № 22, ст. 10). Кажется, локус *Спленский собор* – это испорченное Успенский собор. О Голицыне читаем:

Он думает, князь, гадает, как Москвой проехать:
Глухим переулком, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Ко *Спленскому собору*⁴.
(ИП XVIII, № 21, ст. 16–19)

В *Успенском соборе* князья и бояре молятся Богу перед Полтавской битвой (ИП XVIII, № 63, ст. 5; № 64, ст. 5; сюжет «Шереметьев в соборе»).

Успенский собор встречается, в противоречие с географической действительностью, и в песнях сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I»: «Во Кремле то было славном городе, / Во соборе было во *Успенском*» (ИП XVIII, № 245, ст. 5–6; см. также: № 250, ст. 8; № 253, ст. 3; № 257, ст. 7) (Петр I, как известно, скончался не в Москве, а в Петербурге). В некоторых вариантах этого сюжета в формулу включается также *церковь-колокольня Иван Великий*, известная и историческим песням XVI в.:

К каменной Москве, в Кремле в славном городе,
У собора было у *Успенского*,
У *Ивана* было у *Великого*.
(ИП XVIII, № 243, ст. 3–5;
см. также № 251, ст. 11–12; № 252, ст. 3)

Иван Великий мог присутствовать и автономно: «На святой Руси, в каменной Москве, / У *Ивана* было у *Великого*» (ИП XVIII, № 255, ст. 2–3; № 256, ст. 2–3). Сам царь, неузнанный, при встрече в кружале (кабаке) с солдатами, говорит о себе:

Уроженчек города *каменной Москвы*,
Что квартирушка стоит в *Кремле-городе*,
В *Кремле-городе* против *Ивана Великого*.
(ИП XVIII, № 215, ст. 25–27)

Церковь Иван Великий встречается и в сюжете «Майор с женой осуждены царем» (ИП XVIII, № 267, ст. 2).

⁴ См. также топоним *новый город Спленский* в одном из вариантов сюжета «Жалобы солдат на Павла I» (ИП XVIII, № 537, ст. 5).

Еще один кремлевский храм – **Благовещенская церковь**, стоящая на Соборной площади Кремля, зафиксирована в песнях сюжета «Петр I возвращается из церкви»: «Покатился царь-государь ко божьей церкви, / Шо ко божьей-то церкви к *Благовещению*» (ИП XVIII, № 211, ст. 15–16; см. также № 212, ст. 15–16; № 213, ст. 13–14; № 214, ст. 15–16).

В связи со стрелецким бунтом местом казни стрельцов в песнях называется **Красная площадь** и **поле Куликово**. Топоним *поле Куликово* как место казни называется и в сюжете «Царевича Алексея хотят казнить»: «Привезли повозочку на *поле* на *Куликово*» (ИП XVIII, № 230, ст. 19).

Однако, как мы уже отмечали, в целом внутримосковское пространство в песнях конца XVII – начала XVIII в. приобретает принципиально другой рисунок по сравнению с песнями XVI–XVII вв. Церковные святыни Москвы были определены в песнях двух предшествующих столетий. Песни нового времени предлагают лишь один новый храм – **Казанский собор**. Это собор Казанской иконы Божьей Матери, стоящий на углу Красной площади и Никольской улицы. Собор был поставлен военачальником Дмитрием Пожарским в 1625 г., снесен в 1936 г.; ныне восстановлен. После строительства собора сюда была помещена икона Казанской Богоматери – главная святыня второго ополчения Смутного времени, освободившего Москву от поляков. В начале реформ патриарха Никона в этом храме служил протопоп Аввакум; здесь же он был арестован и отправлен в заточение.

Казанский собор встречается в песнях о В. В. Голицыне: неудачливый князь, въехав в Москву, по некоторым вариантам, направляется именно к этому храму (ИП XVIII, № 1, ст. 20; № 4, ст. 23).

Заметим также, что в песнях XVIII в. появляется новый топоним, касающийся одной из древнейших территорий Москвы – **Китай-города**. Так, в сюжете «Солдаты судят Долгорукова» (ИП XVIII, № 164–170; солдаты жалуются царю на Долгорукова, который не отдает им жалованья, царь предлагает солдатам самим судить провинившегося) действие происходит именно в этой точке: «Среди то было *Китаю да славного города*» (ИП XVIII, № 164, ст. 5; см. также № 165, ст. 1; № 166, ст. 3; № 167, ст. 1; № 168, ст. 5). *Китай-город*, напомним, это одна из древнейших частей Москвы, прилегающей к Кремлю с востока (территория Никольской улицы, Ильинки, Варварки, района Зарядья). *Китай-город* был образован в 1534–1538 гг. по приказу Елены Глинской (мать Ивана Грозного) путем построения стены от двух угловых башен Кремля – от Беклемишевской до Арсенальной. Название *Китай-город*, известное по документам с конца XVI в., имеет несколько толкований (например, от «ка-тай», тюрк. – ‘город’, ‘крепость’), впрочем, общеутвердившейся точки зрения не существует. Не исключаем, что топоним Китай-город был и в песнях XVI–XVII вв., т.е. этот локус привлек внимание историко-песенного фольклора в предшествующие столетия, однако в записанных вариантах песен, отражающих события XVI–XVII вв., он места не нашел.

Основной же тренд песен XVIII в., повторим еще раз, связан с художественным освоением новых для историко-песенного фольклора территорий Москвы. Следует заметить, что, как правило, новые топонимы появляются в одном определенном сюжете и практически не переходят в другие.

Так, в песне о князе В. В. Голицыне, с позором возвращающемся в Москву после неудачного похода на Крым, частотными становятся топонимы **Тверская улица** и **Тверская застава**. *Тверская улица* возникла на дороге, которая вела в Тверь и была известна с XII в. Позднее дорога-улица, шедшая от Кремля, вела к стене Белого города (ныне Бульварное кольцо), а далее к Земляному валу (ныне Садовое кольцо). С XVI в. на Тверской улице стали строиться дворы бояр и дворян, церкви и монастыри. В 1504 г. в районе современного Охотного ряда и Тверской площади стояли решетчатые ворота, запиравшиеся на ночь для обеспечения безопасности дворов знати. В XVIII–XIX вв. *Тверская улица* была главной улицей города (от Кремля до Триумфальной площади), после Триумфальной площади она переходила в Тверскую-Ямскую. По Тверской русские императоры въезжали из Санкт-Петербурга в Москву.

Тверская застава (ныне Тверская площадь, Белорусский вокзал) находилась в системе валов, составивших в 1742 г. Камер-Коллежский вал (земляная насыпь со рвами). С 1742 г. здесь находилась таможенная граница города, где производился контроль над ввозом товаров. Застава была ликвидирована в 1852 г.

В песне о В. В. Голицыне «Князь Голицын возвращается в Москву» встречается и *Тверская дорожка*, и *Тверская улица*, и *Тверская застава*:

Ен поехау вулычкый москоуьскый,
Дорожкый Тварьскою.

(ИП XVIII, № 6, ст. 14–15)

Поеду ли я каменной Москвою,
Каменной Москвою, *улицей Тверскою.*

(ИП XVIII, № 2, ст. 10–11)

Вот он крался, князь, пробирался *улицей Тверскою.*

(ИП XVIII, № 3, ст. 12;

см. также № 17, ст. 11; № 19, ст. 11)

Название улицы может получать традиционный эпитет «славная»: «Улицей Москвою, *славною Тверскою*» (ИП XVIII, № 14, ст. 11).

См. также:

Вот поехал князь Голицын
На Тверскую заставу.

У Тверской ли у заставы

Его окликали.

(ИП XVIII, № 1, ст. 11–13;

см. также № 4, ст. 22; № 8, ст. 9; № 20, ст. 15)

Помнит песня и о **Тверской-Ямской улице**, около которой находилась **Ямская слобода**:

Вот поеду ль я, князь Голицын, улицей Ямскою.

(ИП XVIII, № 8, ст. 8)

Вот и ехал князь Голицын *улицей Тверскою*,

Да все *улицей Тверскою, слободой Ямскою*,

Слободю все Ямскою, к новому собору.

(ИП XVIII, № 9, ст. 11–13)

Что поеду я, князь Голицын, *Ямскою-Тверскою*,

Что *Ямскою-Тверскою*, глухим переулком.

(ИП XVIII, № 12, ст. 12–13;

см. также № 13, ст. 6–7; № 24, ст. 21; № 21, ст. 16–18)

В песнях XVIII в. мы находим и **Ямскую улицу**. В одном из вариантов сюжета «Шведский король требует возвращения городов» шведский государь требует у русской императрицы:

Ай распиши-тко ты мне хватурушку а й в каменной Москвы постоять:

И моей конницы, пехотушки и *во Ямской стоять* улицы,

А самому-то мне, королю шведскому, а й в Кремли-города постоять.

(ИП XVIII, № 423, ст. 4–6)

По-видимому, здесь песенный фольклор помнит или о Тверской-Ямской улице, или о 1-й Ямской улице на территории Марьиной Рощи на землях Переяславской ямской слободы (от ул. Суцевский вал до Стрелецкой).

В сюжете «Князь Голицын возвращается в Москву» единично отразился еще один московский локус – **Охотный ряд**. В одном из вариантов неудачливый князь «пробирался улицей Тверскою, / Что и улицей Тверскою, Охотнаим рядом» (ИП XVIII, № 3, ст. 12–13). **Охотный ряд**, т. е. торговые ряды, где позволялось подмосковным охотникам торговать дичью, в XVII в. располагался на месте нынешнего Исторического музея. В середине XVIII в. он был перенесен в район нынешней улицы Охотный ряд (ведет от Манежной площади до Театральной площади). Кажется, песня помнит именно первое расположение московского Охотного ряда.

Интересны песни сюжета «Корабельщики бранят князя» (корабельщики бранят князя, «заедающего» их жалование). В песне упоминаются улицы **Неглинная** (*Неглинная река*), **Тверская** и **Мучной ряд**:

Он поставил себе дом на *Неглинной*, на *Тверской*,
На *Неглинной*, на *Тверской*, за *Мучным* большим рядом.
(ИП XVIII, № 184, ст. 9–10)

Князь хвастливо заявляет:

Я соорил бы палаты не хуже дворца
За *Неглинную рекою*, за большим *Мучным* рядом.
(ИП XVIII, № 193, ст. 23–24;
см. также № 194, ст. 27; № 198, ст. 14)

Ср. также упоминание Мучного ряда без имени *Неглинной реки*: «За большим *Мучным* рядом» (ИП XVIII, № 185, ст. 17; № 186, ст. 20). *Мучной ряд*, по-видимому, отражает память об одно из Мучных рядов в Москве.

Неглинная улица наличествует также в сюжете «Шведский король пытается захватить Полтаву». Шведский король похваляется:

Ох, я сам ли, король, встану в Кремле-граде,
Я драбантов поставлю в Москворечье,
А [аши]квандронов поставлю по *Мясницкой*,
А драгунов поставлю по *Неглинной*,
А пехотные полки – по всей Москве.
(ИП XVIII, № 67, ст. 22–26)

Неглинная река (*Неглинка*), напомним, – небольшая речка (7,5 км), левый приток Москвы-реки, протекающая в центре города. В письменных источниках она упоминается с 1401 г. По одной из версий, название происходит от балтийского ‘glimn’ – ‘глубокий’ (т. е. ‘неглубокая река’). В XIX в. река была убрана в трубу и стала подземной речкой. На части ее течения образовалась *Неглинная улица* (от Театрального проезда до Трубной площади).

Мясницкая улица, названная в процитированном отрывке (ныне от Лубянской площади до Садово-Спасской), – находится на месте бывшей Мясницкой слободы. Мясными лавками и домами мясников этот район был застроен в XVI в., а в конце XVII в. мясная торговля была перенесена в другое место. При Петре I улица была частью пути из Кремля в Немецкую слободу (на Кукуй).

В песню о жалобах царицы Евдокии Лопухиной (1669–1731), первой жены Петра I, отправленной в Суздальско-Покровский монастырь (1698), включен

топоним **Кукуй**. Так называлась Немецкая слобода, под которую были отведены земли на правом берегу Яузы (левый приток Москвы-реки). Имя Кукуй-город это место получило по протекавшему там ручью Кукуй. В Немецкой слободе юный Петр I нашел друзей, оказавших на него большое влияние (Франц Лефорт, Патрик Гордон), и фаворитку Анну Монс (1672 или 1675 – 1714). В песне в одном из вариантов читаем жалобы царицы Евдокии:

Чтоб он, царь, не ездил во *Какуй-город* гулять,
Во *Какуй-город*, в *Кукуевы слободы*,
Не любил бы немок, какушек тех прелестниц.
(ИП XVIII, № 236, ст. 13–15;
сюжет «Жалобы царицы, заточенной в монастырь»)

В песне «Долгорукова ведут на казнь» упоминается московская **улица Дмитровка**:

Как на улице да на *Дмитровке*,
Как на *Дмитровке*, в каменной Москве,
Там вели князя Долгорукого.
(ИП XVIII, № 271, ст. 1–3)

Напомним, что здесь песня вступает в противоречие с исторической правдой. Иван Алексеевич Долгоруков (1708–8(19).11.1739), фаворит Петра II (1715–1730), подделавший подпись умирающего юного императора под завещанием, был сослан в Сибирь в Березов по указу Анны Иоанновны. Через девять лет он по доносу был привезен в Шлиссельбург и приговорен к четвертованию. Казнь состоялась в Новгороде.

Улицы *Большая Дмитровка* (от улицы Охотный ряд до Страстного бульвара) и *Малая Дмитровка* (от Пушкинской площади до Садового кольца) образовались на дороге, которая вела в г. Дмитров. К XIV в. на дороге уже стояла слобода торговцев и ремесленников, с развитием города ремесленники были вытеснены далее по дороге (была создана новая слобода), а на месте слободы начали ставиться дворы знати.

В песни XVIII в. попала и **Рогожская застава**. Солдаты угрожают Пугачеву: его четвертованное тело будет развезено по разным заставам:

Как во первую – во *Тверскую*,
Во вторую – во *Ямскую*,
А во третью-то *Рогожску*.
(ИП XVIII, № 508, ст. 18–20;
сюжет «Пугачев и Голицын»)

Рогожская застава (ныне площадь Рогожская застава; в советское время Застава Ильича) в XVIII в. находилась в Камер-Коллежском валу (как и Тверская застава). В XVI в. здесь стояла Рогожская ямская слобода, в которой проживали ямщики, обслуживавшие дорогу, ведущую в село Рогожь (позднее г. Богородск, ныне Ногинск). Емельян Пугачев, напомним, был казнен (четвертован) 10 января 1775 г. на Болотной площади; место захоронения неизвестно.

Собственно Ямской заставы в Москве не было. Скорее всего, песня в строках «Во вторую – во *Ямскую*, / А во третью-то *Рогожску*» запечатлела память о Рогожской ямской заставе.

В песне «Жалоба солдат на немецкое начальство», представленной в единственном варианте (и толкуемой как песня, посвященная временам Петра III), встречается упоминание **Воробьевых гор**:

За славною рекою за Москвою,
За высокими *горами Воробьевы*,
Пролегал тут широкая дорожка.
(ИП XVIII, № 263, ст. 1–3)

Воробьевы горы – высокий правый берег в излучине Москвы-реки на юго-западе Москвы – с начала XIV в. принадлежали боярам Воробьевым, где стояло их село. В середине XV в. московская великая княгиня Софья Витовтовна (ум. 1453), жена Василия I Дмитриевича (1371–1425), приобрела земли, которые с этого времени находились во владениях московских великих князей. Позднее здесь находился Воробьевский дворец – резиденция московских князей и царей. «Широкая дорожка» – это дорога, по которой к Москве нередко подходили враги (крымский хан Казы-Гирей в 1591 г., литовский гетман Ходкевич в 1612 г., Наполеон в 1812 г.); с *Воробьевых гор* они впервые видели панораму города.

Таким образом, мы убеждаемся в точности памяти исторических песен о московском пространстве. Приведенные примеры подтвердили мысль, которую мы высказали в начале статьи: если в XVI–XVII вв. внутримосковское пространство конструировалось в основном за счет святынь – храмов общероссийского значения, то в XVIII в. историко-песенный фольклор сосредоточивается на светских локусах – на улицах.

Ценностность *Москвы* как пространственного центра Русского государства сказывается в том, что в песнях XVIII в. упоминаются объекты, связанные с нею. Так, хотя и не частотно, песни знают гидроним **Москва-река**. В одном из вариантов песни о В. В. Голицыне неудачливый князь, хоронясь от стыда, едет *Москвою-рекой* (ИП XVIII, № 24, ст. 19–20 – сюжет «Князь Голицын возвращается в Москву»). В варианте сюжета «Солдаты жалуются на тяготы государственной службы» *Москва-река* изображена на потолке в палатах казнокрада князя Гагарина: «По этим потолкам / Москва-речка взведена, / Бела рыба

пущена» (ИП XVIII, № 189, ст. 16–18; ср. «москворецкая вода» в аналогичном фрагменте других вариантов: № 185, ст. 21; № 186, ст. 24; № 190, ст. 18).

В Пугачевском цикле мы находим топоним *Московская губерния*, отражающий лексические сдвиги, произошедшие в языке с реформами Петра I. В песне «Пугачев и Голицын» казачий руководитель восстания обращается к своим сторонникам:

Разобьем мы этот новый корпус,
Новый корпус Голицына-князя,
Мы *Московскую эту губернию*
Сделаем границей.
(ИП XVIII, № 508, ст. 7–9)

Москва, повторим еще раз, в песнях XVIII в. предстает самым ценностным городом России. Поэтому явным художественным диссонансом выглядит один из текстов. В варианте № 55 сюжета «Вещий сон» из цикла песен о Северной войне образная система сна, предвещающего герою отправиться на войну (крутая гора, бел-горюч камень, част ракивов куст), неожиданно разъясняется его матерью через московские топонимы:

Что крута гора – то *каменна Москва*,
Бел-горюч камень – то наш *Кремль-город*,
А ракивов куст – то *Кремлевский дворец*.
(ИП XVIII, № 55, ст. 11–13)

Тем не менее именно Москва, а не Петербург занимает доминирующее положение в пространственных представлениях историко-песенного фольклора XVIII в.

3. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское пространство

Масштабные преобразования, которые осуществлял в начале XVIII в. Петр I, привели к строительству в России новой столицы. Приневские земли многие столетия были предметом военных споров Новгорода, а затем и Русского государства, с одной стороны, и Швеции, с другой. На Неве в 1240 г. произошла битва новгородской рати князя Александра Ярославича (Невского) со шведами. В 1300 г. при впадении р. Охты в Неву была поставлена шведская крепость Ландскрона, впрочем, через год разрушенная новгородцами. В этом месте долгое время затем существовало новгородское торжище Невское устье. По тяжелому для России Столбовскому миру 1617 г. Приневские земли отошли Швеции и оказались в составе Шведской Ингерманландии. Еще ранее, пользуясь смутой в Русском государстве, в 1611 г. шведы около крепости Ниеншанц, расположенной на месте бывшей крепости Ландскрона, построили город Ниен.

В ходе Северной войны со Швецией (1700–1721) Нева была отвоевана Россией, и 16(27) мая 1703 г. Петр I в устье реки основал Санкт-Петербург (написание в первой четверти XVIII в. – Сан(к)т-Питер-Бурх), названный в честь св. Петра. 16 января 1712 г. город был объявлен столицей России.

Петербург неоднократно встречается в песнях Петровского и послепетровского времени, причем имя города представлено в разных формах: Санкт-Петербург, Санктпитебург, Петербург, Петербурх, Питербурх, Питер, Санкт-Питер.

Конструируя образ Санкт-Петербурга, фольклорная традиция в разных формах обращалась к своему собственному художественному опыту. Город получает традиционный для песенных топонимов эпитет «славный»: «Что из *славного* города *Петербурга*» (ИП XVIII, № 73, ст. 3; сюжет «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора»); «Что из *славного* города из *Петербурга*» (ИП XVIII, № 215, ст. 1; сюжет «Царь и солдаты в кружале»); «В *славном* было *Питербу...* в *Питербурхи*» (ИП XVIII, № 217, ст. 14; сюжет «Царь и солдаты в кружале»); «Во *славном* городе во *Санкт-Питере*» (ИП XVIII, № 260, ст. 1; сюжет «Солдат оплакивает кончину Петра I») и др.

В продолжение традиции XVII в. город может называться «городком» или «городочком». Так, шведская королева (напомним, что в отсутствие Карла XII, находящегося в военных сражениях в Европе и России, фактическими правителями Швеции были его сестры) поздравляет «царя белого» (т. е. русского) с городами:

Как со первым городом с Кольванью,
А с другим городком *Петербургом*,
А с третьим городом Эстербеком.

(ИП XVIII, № 91, ст. 19–21; сюжет «Шведская королева (королевна) просит помощи»)

Песня трансформирует пословицу «Ярославль городок – Москвы уголок». В варианте песни «Князь Голицын возвращается в Москву» царь жалует Голицына «одним городочком – *Питера* уголочком – славным Ярославлем» (ИП XVIII, № 22, ст. 18).

Явная опора на образ Москвы сказывается и в топониме **Питерская дорожка**. В одном из вариантов сюжета «Долгорукова ведут на казнь» героя ведут к месту казни по этой дорожке: «Как по *Питерской дороженьке* / Вели князя Долгорукого» (ИП XVIII, № 269, ст. 12–13). См. топоним **Московская дорога**: «И выезжает князь Голицын на *Московскую дорогу*, / Подъезжает князь Голицын к *Московским воротам*» (ИП XVIII, № 21, ст. 13–14; сюжет «Князь Голицын возвращается в Москву»); «По *дороженьке* по *Московской* / Шли-прошли три полка солдат» (ИП XVIII, № 105, ст. 1–2; сюжет «Молодец идет в поход в земли Шведские»); «По *Московской* по широкой по *дороженьке* / Не ковьель-трава, братцы, зашаталася» (ИП XVIII, № 279, ст. 1–2; сюжет «Русское войско выступает в поход» из цикла песен о Семилетней войне).

Наиболее ярко использование опыта, накопленного фольклорной традицией при разработке образа Москвы, сказалось в построении внутривербургского пространства. Пространство новой столицы может детализироваться, т. е. в песнях называются конкретные локусы города. Так, в песенный текст проникает **Невский проспект**:

Как у славном-то ведь было во городи,
В славным было *Питербу... в Питербурхи*.
Как на славной всё было на юлицы на широкой,
На *Моско... на Московской*,
Как на славной всё было на юлицы на широкой,
На *Моско... на Московской*.
Как на славном-то всё было на *Невским*,
На *Невским* было *прошне... на проштекте*,
Как на славном-то всё было на *Невским*,
На *Невским* было *прошне... на проштекте*.

(ИП XVIII, № 217, ст. 13–24; сюжет «Царь и солдаты в кружале»)

«Перспектива» от Адмиралтейства до Александро-Невского монастыря была прорублена через леса и болота в 1713 г. В документах того времени она называлась Большой перспективой и служила главной дорогой в Петербург. До 1726 г. границей города был Зеленый мост на Мойке; здесь собирались подати, рядом стояли Мытный и Гостиный дворы. В 1715 г. был поставлен мост через Фонтанку – Аничков мост, названный так по фамилии подполковника М. О. Аничкова, чьи солдаты стояли в соседней Аничковой слободе. В 1730–1740-е гг. Невская перспектива начала обрастать строениями и превращаться в улицу.

Из конкретных локусов Петербурга песня знает **Петропавловский собор** – главную доминанту города:

Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском.

(ИП XVIII, № 240, ст. 6–8; сюжет «Солдат оплакивает кончину Петра I»; см. также № 244, ст. 5–6; № 246, ст. 1–2; № 248, ст. 8–10; № 249, ст. 7)

Каменный **Петропавловский собор** (первый храм был деревянным) архитектора Доменика Трезини, напомним, был заложен 30 мая (10 июня) 1712 г. Закончили строительство собора, который по приказу Петра I был спроектирован на 32 метра выше московской церкви-колокольни Иван Великий, в 1720 г. Собор, как известно, скоро стал усыпальницей русских императоров.

Петропавловская крепость частотно встречается в сюжете «Жалобы солдат на Павла I», который по своей сути очень близок к модели «солдат оплакивает скончавшегося правителя». Сюжет «Жалобы солдат на Павла I» реализуется или в «чистой» версии этой модели (ИП XVIII, № 536, 537, 538 – солдат стоит на часах и обращается к усопшей Екатерине II, призывая ее встать), или в версии, где наличествует мотив солдат (добрых молодцев), посаженных в Петропавловскую крепость, которые и призывают встать Екатерину II:

Как у нас то было на святой Руси,
В славном городе было Питере,
В Петропавловской было крепости.

(ИП XVIII, № 539, ст. 1–3; см. также № 540, ст. 1;
№ 541, ст. 1–2; № 543, ст. 1–2)

В варианте № 542 название крепости потеряно, и она названа «крепкой крепостью» (ИП XVIII, № 542, ст. 1–3).

Из конкретных локусов Петербурга, помимо *Петропавловской крепости* и *Петропавловского собора*, песня называет реки **Неву** и **Фонтанку**: «Как по речке, по реке / По Фонтанке, по Неве» (ИП XVIII, № 185, ст. 1–2; сюжет «Корабельщики бранят князя»). Протока, вытекающая из Невы и в Неву же впадающая, изначально до 1712–1714 гг. называлась Безымянный ерик. С обустройством в Летнем саду фонтанов Безымянный ерик вошел в систему обеспечения их водой, поэтому протока стала называться Фонтанной рекой, а потом и Фонтанкой.

В одном из вариантов сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I» в соответствии с исторической реальностью «генералушки» и «чиновны господя», оплакивая смерть «царя белого», намереваются нести его тело «за Неву-реку» (ИП XVIII, № 252, ст. 12). Напомним, что император скончался в Зимнем дворце (Петровский зимний дворец), располагавшемся на левом берегу *Невы* (ныне комплекс зданий Эрмитажа). Тело его было переправлено через *Неву* и похоронено в Петропавловском соборе.

Известно, что перенос столицы из Москвы в *Петербург* общественным (и фольклорным) сознанием принимался с трудом. Впрочем, мы можем найти примеры, где за *Петербургом* на вербальном уровне признается его столичный статус. В одном из вариантов сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I» читаем:

Как во городе во Питере,
Во столице государевой,
Что в соборе Петропавловском.

(ИП XVIII, № 259, ст. 1–3)

В этом же тексте «молодой сержант» обращается к скончавшемуся императору: «Прикажи весь сор метлой вымести / Из престольного града Питера»

(ИП XVIII, № 259, ст. 23–24). В сюжете «Жалобы солдат на Павла I» (солдат оплакивает Екатерину II), мы также находим формулу «столичный город»: «Во *столичном было городе*, / Что во городе во *Питере*» (ИП XVIII, № 536, ст. 1–2).

В связи с Петербургом актуальным остается топоним *святая Русь*:

Как у нас было на *святой Руси*,
В *Петербурге* в славном городе.

(ИП XVIII, № 241, ст. 9–10; сюжет «Солдат оплакивает кончину Петра I»; см. также № 242, ст. 13–15; № 539, ст. 1–2; № 542, ст. 1–2; сюжет «Жалобы солдат на Павла I»)

Однако мы можем привести примеры, где абсолютная ценностность *Петербурга* игнорируется. Так, в некоторых вариантах сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I» имеется мотив завещания царя, где называются локусы, которые он оставляет после себя. *Петербург* здесь звучит отнюдь не всегда или же занимает не самую верхнюю позицию в системе ценностей. В одном из текстов называются только *Москва* и *Россия*: «Сенат судить вам, князьям-боярам, / *Каменная Москва* и *Россия* вся – моей государыне» (ИП XVIII, № 260, ст. 29–30). См. также:

Сенат судить князьям-боярам,
Всем старшим фельдмаршалам;
Каменная Москва тебе, моя государыня,
Каменная Москва и *Россия* вся.

(ИП XVIII, № 260, ст. 41–44)

Логика завещания в варианте № 261, где наличествует Санкт-Петербург, не делает этот город главным в государстве:

Санкт-Петербург приказан фельдмаршалу,
Каменная Москва приказана тебе, царица православная,
Царевичу приказана вся империя.

(ИП XVIII, № 261, ст. 32–34)

Следует сказать, что *Петербург* в песенной традиции оказывается тесно сопряженным с *Москвой*. Согласно сюжету «Шведский король требует возвращения городов», в глазах шведского короля *Петербург* и *Москва* – равновелико главные города России. Сюжет отражает ситуацию русско-шведской войны 1788–1790 гг. Швеция тогда претендовала на Неву и соответственно – на *Петербург*. Москва в глазах шведского короля, естественно, была недостижима, однако в песне звучат названия обеих русских столиц. Песня следующим образом запечатлевает слова шведского короля:

Батальицу сочиню, *Петербург* с *Москвой* возьму.
Я в *Питере* переднюю, в *Москву* приду ночевать.
(ИП XVIII, № 411, ст. 8–9)

Я в *Питере* ночью, ночевать в *Москву* приду,
Ночевать в *Москву* приду, все фатеры распишу.
(ИП XVIII, № 415, ст. 6–7; см. также № 427, ст. 11–12;
№ 428, ст. 11; № 435, ст. 11–12)

Весьма выразительна формула об обеде и ужине в захваченных городах:

Ай да я в *Питере* пообедаю, в *Москву* ужинать приду.
(ИП XVIII, № 426, ст. 4; см. также № 430, ст. 10–11;
№ 433, ст. 6)

Всю Россиюшку пройду, в *каменную Москву* зайду.
Вот я в Астрахань взайду позавтракать, а в *Москву* – пообедать,
В *Москву* пообедать, в *Питенбурхе* буду ночевать.
(ИП XVIII, № 418, ст. 7–9)

См. также:

В *Петербург* город приду,
Во *Питере-то* пообедаю,
Ночевать в *Москву* пойду,
Под *Москвой* переночую.
(ИП XVIII, № 431, ст. 18–21)

Появляются формулы, где воедино сливаются топонимы Петербург и Москва: «Мимо города мимо Питера, / Мимо матушки *каменнóй Москвы*» (ИП XVIII, № 405, ст. 1–2; сюжет «Краснощекоев ранен»). Имеется и формула, соединяющая топонимы *Русь*, *Москва* и *Петербург*:

Как у нас было, братцы, на святой *Руси*,
Ой да на *святой-то Руси*,
Было в кременно... в *кременной Москве*,
На *святой Руси* было, в *кременной Москве*,
Ой да в *Петербурхе* было,
Было во славном го... городе.
(ИП XVIII, № 220, ст. 1–6; сюжет «Царь борется
с драгуном»)

Как у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
В каменной Москве, в Кремле-городе,
В Кремле-городе, в крепком Питере.
(ИП XVIII, № 544, ст. 1–4; сюжет «Жалобы солдат
на Павла I»)

Имеются случаи, когда пространство Петербурга явно смешивается с пространством Москвы, которая к этому времени уже давно освоена фольклорной традицией. В Петербурге может появиться *Успенский собор*. Так, в песне «Краснощекоев сражен пулею» весть о гибели донского бригадира доходит «в Санкт-петербург» к царице, которая велит:

Постелите во гробницу черного бархату,
Проводите вы доброго молодца в *Санктпетербург*,
Погребите добра молодца в *Успенском соборе*.
(ИП XVIII, № 102, ст. 14–16; сюжет «Краснощекоев
сражен пулей»)

То есть в Петербург попадает главный московский собор, еще с XVI в. вошедший в художественную ткань исторических песен. См. также:

Как у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
В каменной Москве, в Кремле-городе,
В Кремле-городе, в крепком Питере.
(ИП XVIII, № 544, ст. 1–4; сюжет «Жалобы солдата
на Павла I»)

Имеются случаи и противоположного характера – *Петропавловский собор* или *Петропавловская крепость* оказываются в *Москве*:

На святой Русе, в каменной Москве
Во соборе *Петропавловском*.
(ИП XVIII, № 247, ст. 5–6; сюжет «Солдат оплакивает
кончину Петра I»)

Как у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
В *Петропавловской славной крепости*.
(ИП XVIII, № 251, ст. 1–3; сюжет «Солдат
оплакивает кончину Петра I»)

Как во матушке было в *каменной Москве*,
Ай в *каменной Москве*,
В *Петропавловской славной крепости*.
(ИП XVIII, № 538, ст. 1–3; сюжет «Жалобы солдат
на Павла I»)

Анализ топонима *Петербург* позволяет, таким образом, выявить следующие смыслы в его употреблении в историко-песенном фольклоре XVIII в. Статус официальной столицы Российской империи, приданный строящемуся городу в 1712 г., долгое время не принимался фольклорной традицией. Именно поэтому некоторые реальные значимые события, происходившие в *Петербурге*, в некоторых текстах переносятся в *Москву* (№ 243, 245, 250, 252, 253, 255–258, 262 – сюжет «Солдат оплакивает кончину Петра I»). Поэтому же происходит смешение внутримосковских и внутривербургских локусов; поэтому же в иерархии ценностных локусов *Петербург* может занимать отнюдь не главное место.

Тем не менее песенная традиция на протяжении всего XVIII столетия конструирует пространственный образ *Петербурга*, и в этом процессе песня пользуется художественным опытом, накопленным ею в связи с образом Москвы. Песня не просто упоминает имя *Петербурга*, но рисует его внутреннее пространство. Традицией в XVIII в. было освоено водное пространство (*Нева*, *Фонтанка*). В песню попадает *Петропавловская крепость*, с которой началось строительство города. Называет историко-песенный фольклор и *Невский проспект*, ставший к концу столетия главной улицей новой столицы.

Как мы показали, в отличие от Москвы, чье пространство в песенном фольклоре определялось Кремлем и церковными святынями, в построении пространства *Петербурга* песни с самого начала отодвигают храмы на второй план. Из церквей и соборов, которые были построены в XVIII в. в новой российской столице, фольклор запечатлел только *Петропавловский собор*, в то время как в городе к 1742 г., когда была учреждена Санкт-Петербургская епархия, стояло уже 19 приходских церквей и 4 собора. Соответственно в 1750 г. – 32 приходских церкви, 5 соборов; в 1786 г. – 62 храма⁵.

Первоначально все церкви в Петербурге были деревянными, по мере обветшания они заменялись каменными строениями. Назовем самые значимые храмы XVIII в., сохранившиеся до нашего времени или предшествовавшие современным знаменитым церквям и соборам: 1) церковь в честь Сампсона Странноприимца в Батальонной слободе, поставленная в память о Полтавской битве (1709 г. – деревянная церковь, 1728–1740 гг. – каменная); 2) церковь св. Пантелеймона в память о победе при Гангуте (1718 г.); 3) церковь Исаакия Далматского у Адмиралтейства (Исаакиевский собор), построенная в первоначальном виде

⁵ Паничкин А., свящ. Храмостроительство в Петербургской епархии в XVIII в. [Интернет-ресурс] https://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/04/02/hramostroitelstvo_v_peterburgskoj_eparhii_v_xviii_v – дата обращения: 23 нояб. 2020 г.

(деревянная) в 1717 г., а затем – первая каменная церковь (1728 г.), в 1760-е гг. начал осуществляться (но не был закончен) проект Антонио Ринальди, в 1818–1864 гг. осуществлен проект Огюста Монферрана; 4) церковь Рождества Богородицы на Невской перспективе, построенная в 1733–1737 гг., где с 1745 г. совершались бракосочетания членов императорской фамилии, в дальнейшем в начале XIX в. на этом месте встал Казанский собор архитектора А. Воронихина; 5) церковь Андрея Первозванного на 6-й линии Васильевского острова (в 1728 г. – деревянная, в 1764 г. – каменная), объединявшая кавалеров ордена Андрея Первозванного; 6) Князь-Владимирский собор на Петербургской стороне (заложен в 1740 г., строительство закончено после перерыва в 1770-е гг.; архитектор Антонио Ринальди); 7) Смольный собор – собор Воскресения Христова (1757 г.; архитектор Растрелли); 8) Никольский собор в Морской слободе (1753–1762 гг.; архитектор С. И. Чевакинский); 9) церковь в честь Смоленской иконы Божьей матери на Васильевском острове (1760 г. – деревянная, 1790 г. – каменная).

В 1710 г. Петр I дал указание в конце Невской першпективы заложить монастырь, который сейчас известен как Александро-Невская лавра. Проект монастыря был разработан Доменико Трезини; современный облик обители сложился в последней трети XVIII в. В 1723 г. сюда из Рождественского монастыря г. Владимира были перенесены мощи Александра Невского.

Казалось бы, новая столица делала все, чтобы обрести собственными святынями. Но петербургские храмы, повторим еще раз, не заняли в фольклорном (а значит, в народном) сознании того места, что имели московские соборы. Устнопоэтическая традиция их не запечатлела. Пожалуй, это самое главное отличие в построении образов *Москвы* и *Петербурга*.

Литература

Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.